

Сколько нужно поэтов, чтобы провозгласить весну и чтобы вновь наступил праздник, называемый «День поэзии»? **Владимир Маяковский** когда-то пожелал, чтобы стало «больше поэтов, хороших и разных». А вот **Борис Пастернак**, наоборот, мечтал, чтобы их было как можно меньше, – в идеале, возможно, оставив себя одного, и отговаривал начинающих от поступления в Литинститут. Сам яркий поэт, он, вероятно, представлял себе, чему их там могут научить, прекрасно зная, как много плохих и одинаковых стихов печатают в сборниках советского времени. Всё же, когда появился знаменитый альманах «День поэзии» 1956-го года, его волшебные стихи («Рассвет» и «Зимняя ночь» из «Доктора Живаго») оказались в окружении не худших соседей. Там были напечатаны тогда ещё опальная **Анна**

Ахматова, прежде неизвестная **Мария Петровых**, фронтовик **Борис Слуцкий**, репрессированные **Леонид Мартынов** и **Николай Заболоцкий**, блаженная **Ксения Некрасова**, погибшая **Марина Цветаева**, расстрелянный **Павел Васильев**, молодые и многообещающие **Евгений Евтушенко**, **Андрей Вознесенский**, **Роберт Рождественский**... И, по мере убывания талантов, просто «хорошие», а за ними и «разные».

С тех самых времён и до сих пор эта последняя категория поэтов докучает журнальных работников, которые кряхтят утомлённо под наплывом присылаемых рукописей, называя их между собой «потоком графомании». Но это несправедливо. К авторам надо относиться с пониманием, иначе это их больно ранит. Вот, например, эрудит и арбитр поэзии Первой волны эмиграции **Владимир Вейдле** мягкосердечно считал, что если даже слабые стихи не поэзия, то они всё же «любовь к поэзии», а это уже хорошо, ибо врачует «болящий дух» по выражению **Боратынского**, – быть может, не у читателей, но по крайней мере, у авторов, что немаловажно.

Вот за этих последних я и хочу заступиться, читая новый альманах «День русской зарубежной поэзии 2020», составленный **Виктором Фетом** и выпущенный в «Литературном европейце» (Франкфурт-на-Майне). Это не значит, что там нет талантов, но первый же читатель или какой-нибудь критик, раскрыв цветную обложку, увидит там зияния вместо известных имён поэтического Зарубежья: **Александра Кабанова**, **Бахыта Кежеева**, **Алексея Цветкова**, **Владимира Гандельсмана**, **Марины Гарбер**, **Геннадия Кацова**, **Андрея Грицмана**... Вполне возможно, что у составителя не получился контакт с ними, иначе почему бы им не дать по парочке шедевров на столь благородное дело? Но вернёмся к тому, что уже получилось – к текстам альманаха. Напомню, что это второй выпуск из обещанного издателем **Владимиром Батшевым** ежегодного периодического издания! О первом я уже писал соответственно год назад, приветствуя такое прекрасное начинание.

О чём же поют теперешние русские эмигранты? Поют, и это само по себе хорошо. Когда поёт птичка, это значит, что у неё есть зерно в кормушке и вода в поилке. И ещё нужно, чтобы попадал на неё луч света, хотя бы и отражённый от оконного стекла в доме напротив. В подобные моменты у поэта, по словам классика, «руки тянутся к перу, перо к бумаге, минута, и стихи свободно потекут...». Русская эмиграция, которой совсем недавно стукнуло 100 лет, существенно изменилась: нет уже ни риска быть пойманными ГПУ, ни страха насильственной репатриации и передачи СМЕРШу, преодолены и тревоги, и тайные комплексы собственной совковой отсталости и безъязычия... Словом, всё утряслось (если даже и не срослось), и жизнь удалась!

Соответственно, из стихов исчезла до мозолей заезженная тема тоски по родным берёзкам, и слава Богу! Не уверен, растут ли они в Израиле (по крайней мере, в пустыне Негев я их не видел), но, как выяснилось, они прекрасно произрастают и в странах Европы, и в Новом Свете, где смотрятся особенно белыми и дородными, и даже сами «смотрят» задумчивыми очами, расположенными по стволам на местах отпавших сучков...

Зато появилось ощущение обрётённого дома, собственности – приятное, хотя и довольно буржуазное чувство, которое в прежней литературе было принято называть мещанским. Да, гордо реюющий буревестник со своей высоты презирал «глупых пингвинов», прячущихся в утёсах, и одинокий мятежный парус опрометчиво просил бури, но когда они выбрались из передрыг потрёпанными и живыми, им захотелось совсем другого. **Виктория Левина (Израиль)**, например, с гордостью поведала, что её ждёт новоприобретённый дом в Болгарии. Пока он не обустроен, но она давно мечтала завести свой пейзаж в окошке, где можно думать о прекрасном и при этом завести козу и кур-несушек.

Наполню погреба своим вином,
петрушку с огурцами примут грядки.
и буду «в шоколаде» и в порядке
с горой и садом за моим окном.

Я ничего не имею против мещанства, это средний класс, опора общества. Аристократ Пушкин однажды (в полемическом стихотворении) причислил себя к мещанскому сословию и этим облагородил его. В сущности, желание достатка – это праведное намерение, но для чего его надо было высказывать заезженным ямбом и оснащать расхожим остроумием? Сословие у поэта может быть средним, а эстетика всё-таки должна быть аристократической.

Подобный упрёк можно отнести и к элегии **Ларисы Ицкович (США)**:

Тепло камина мне сулит покой,
вино в бокале создаёт настрой...

Читала ли она пародию Ильфа и Петрова, заранее написанную на это или на тысячу ему подобных стихотворений:

Под мягкий звон часов Бурэ
приятно отдыхать в качалке.
Снежинки вьются во дворе
и как мечты летают галки?

Конечно, у горящего камелька (или у того же камина) можно уютно посидеть и поразмышлять в рифму над безвозвратно ушедшем, о наступлении старости, но... Всё это было, было, было. И было хорошо описано, помните, ещё в пушкинском переводе из Анакреона:

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.

Но ведь Пушкин жил два века назад, а Анакреон ещё дальше – аж в четвёртом веке до нашей эры! Тем ценнее оказываются крупинцы всего нового (или заново увиденного), которые здесь и там всё-таки попадают на страницах этого свежееотпечатанного альманаха. Такие крупинцы и есть поэзия. Вот хороший пример: «Золото в лазури». Более века назад это ослепительное сочетание слов придумал **Андрей Бѣлый (Россія)**. А ныне его наполнил сильным искренним чувством **Валентин Емелин (Норвегия)**, и оно опять зазвучало.

ЗОЛОТО В ЛАЗУРИ

Ты явилась мадонной
В нимбе лёгких волос
Из пыльцы заоконной
Из лучистых полос
Из волны Боттичелли
Голубого стекла
Звуком виолончели
Ты себя пролила
Простотой изначальной
Линий на полотне
Со свечою венчальной
Ты привиделась мне
Словно шёл по стеклу я
Мир сиял чистотой
Ангел пел Аллилуйя
Золотой золотой

Столь же ярким пятном показался мне очень короткий стихотворный набросок **Лины Соминской (США)** с длинным названием «Апельсиновые деревья в саду израильского солдата»:

Я прижалась к стволу.
Замерла, как в засаде.
А на ветках – салют,
Всплеск оранжевых ядер.

Сад – оранжевый шёлк,
Мир, – что жив и наряжен!
– Где хозяин?
– Ушёл...
Взрыв
 оранжевых
 ядер.

Здесь хороши и свежесть восприятия, и неожиданный взрыв красок, и даже парочка недурных рифм, а ведь рифма – не просто гармоническая погребушка, это признак уверенного авторского почерка. Не хотелось бы некоторых поэтов и поэтесс перемещать из разряда по-Маяковскому «хороших и разных» в разряд «плохих и одинаковых». Но каких только корявых рифмоидов не притягивают они за уши: *лист – молитв, грусть – груд, сдержать мне – настезь, после – вовсе*, ну и так далее...

На таком фоне особенно заметна литинститутская выучка **Григория Марговского (США)** – его тексты мускулисты, написаны уверенной рукой, рифмы звучны, чувствуется культурный кругозор поэта.

Прожилки самобытных руд,
Небес курчавые разводы,
Везде журчание свободы,
Паромов дальних перегуд,
Как воздух ласточки стригут,
Так нищеврод слагает оды.

За этим, вероятнее всего, самоироническим «нищевродом» угадывается поэт-бессеребренник, возможно, новый эмигрант, заглядевшийся на открывшуюся ему красоту Нового Света. Но его бывшее вместе с покинутой страной, её историей и её неотступными проблемами настигает его неожиданно даже в переживаниях культуры и живописи. Босховский триптих «Искушения св. Антония» XV-го века оказывается для поэта полным злободневного смысла.

Художник из Брабанта
Чурался страшных рыл
И с дерзостью таланта
Абсурд изобразил...

Мошенника цитаты
Над папертью звучат,
И полымем объята
Глаза бездомных чад.

Куражится и в гимне
срывает куш братва,
Кто родину, скажи мне,
Спасёт от колдовства?

Гниёт она под Потьмой,
В тайшетских лагерях,
Подмятая, Господь мой,
Поверженная в прах!

Подборка стихов полноценной философской лирики в этом сборнике подписана именем **Виктор Фет (США)**. Такая фамилия обязывает, и действительно, за ней следует череда коротких стихотворений, написанных классическим слогом. Но это всё же не зарисовки природы, сделанные в радостной тональности, как у его великого однофамильца **Афанасия Фета (Россия)**. Это задумчивые вопрошания о вечном и мимолётном, о человеческой жизни, о славе и забвении, о звёздах и вселенной. В этом Виктор Фет тяготеет скорей к схожим, но иным лирическим образцам, – может быть, ещё более великого **Феодора Тютчева (Россия)**. Сразу же оговорюсь: такими сравнениями я не собираюсь возносить современника на пафосные высоты, я только определяю склонности его дара, вдруг открывшегося мне на страницах эмигрантского «Дня поэзии». При этом сам носитель держится с отменной простотой, хотя и обращается порой к богам и небесным светилам.

Звезда безумная, святая,
встающая в рассветной мгле,
своим сиянием питая
всё дышащее на Земле! (...)

(...) Я взираю в пропасть мира,
я смотрю вперёд и вниз,
как на острове Керкира
исстрадавшийся Улисс... (...)

Серебряная Лета,
Забвения река,
С иного края света
Бежишь издалека.

Вбираешь пыльны томы,
И годы, и простор,
Державинские громы
И пушкинский задор... (...)

Но... Может быть, это стилизация? – останавливаю я свои восторги. Что ж, пусть даже и стилизация, но сделанная красиво, со вкусом и в благородном стиле.

Умело владеет стихом **Владимир Штеле (Германия)**. Мне знаком этот автор, он участвовал в первом выпуске праздничного альманаха, и я уже писал о нём. Не знаю, какой у него статус в Германии – видимо, не эмигранта, а репатрианта, поскольку он из поволжских немцев. Но представлен он циклом стихотворений «Островитяне» о зимовье в щитовом домишке где-то в таёжном посёлке. Можно догадываться, что зимовье было вынужденным и суровым, и это была мрачная пора жизни, оставшаяся позади. Но странно, – весь тот уродливый быт и грубость, описанные чётким, лёгким слогом, преображаются и создают обратное впечатление.

Вынес кобелю ошкурки,
Дров берёзовых занёс,
Сел в фуфайке у печурки,
«Холодает», – произнёс.
Закурил. Дым в печку тянет...

И – уже хорошо... Конечно, было бы глупо сравнивать «Островитян» с «Евгением Онегиным» (аж самому стало не по себе), но какая-то онегинская закваска «прозы в стихах» здесь имеется. Что ж, на иконного Пушкина не обязательно молиться, он может и практически помочь, протянув руку в «немой борьбе» с непокорными строчками, как помогал некогда Александру Блоку.

Это почти реально, – ведь среди авторов альманаха можно найти **Александра А. Пушкина (США)**, прямого потомка классика. Он сам поэт и, помимо того, редактор нью-йоркского двуязычного журнала «Слово/Word». Таинственным образом (а может быть, просто генетически) он унаследовал лёгкую поступь стиха и весёлую эпиграмматическую манеру у своего великого пращура. Вот, например, как он описывает вечер встречи с весьма уже немолодыми одноклассниками и одноклассницами.

Питомцы 17-й школы,
Втроём мы спускались в метро
Дорогой с пирушки весёлой
С подружками, *a la retro*.

И все нам места уступали
И странно глядели на нас,
А мы, всё шутя, вспоминали
Недавно покинутый класс.

А что ж не смеяться, однако,
В летах полноценных своих?
У нас уже было два рака,
Инфаркт и инсульт на троих.

По интонации это ж сам Пушкин, лицейский остролов! А по сюжету до возраста своего потомка ему бы ещё жить и жить... Да вот не дожил.

Среди героев альманаха есть ещё один – мастеровитый, словесно способный, но... не герой, а анти-герой, исполненный тёмной энергии. Это **Юрий Нестеренко (США)**, тот самый, что открывал прошлогодний праздник серией совершенно ненавистнических поэз... Присутствует он и в этом выпуске. И всё в том же духе. Там его снайперша отстреливала «москалей», он сам презирал ненавистные ему русские народные ремёсла, этническую одежду, фольклор, традиционную еду, сказки, атрибуты древности, климат, ландшафт, растительность, дороги... Здесь он с такой же страстью ненавидит русскую зиму: «нет более унылого пейзажа, / чем снегом занесённая равнина...». Знаем, знаем, это мы и на уроках в школе, и сами в сношенных валенках проходили, ну и что? А вот что, – заканчивает стихотворение автор:

Но просто каждодневно видеть ЭТО
(Сиречь пейзаж, что был описан выше)
И не повеситься?!
Не понимаю, нет.

Мне хочется ответить ему стихами уже упомянутого Владимира Штеле, который насмотрелся в своё время на подобные пейзажи.

Серенький в окошке вечер,
На дворе собачий лай,
Что ж, печалься, человеце,
Только... это... не сгущай.

Но Нестеренко не только сгущает, он раскаляет свою политическую нетерпимость (и в этом можно его понять), смешивая её с расовой ненавистью (что, конечно, неприемлемо в цивилизованном обществе): «Пусть пожрёт их огонь ли, мины ли, иль свинец, / Только чтобы они все сгнули, наконец!». Не знаю, понимает ли сам автор, что творит его перо.

Подобных «радиоактивных» авторов я больше не обнаружил. Но зато отметил разбросанные постранично интересные словесные находки.

Андрей Корсаров (Латвия):

По коже – иглами мурашки...
По сердцу – ангел босиком...

Ильдар Ахметсафин (Германия):

Ты в зеркале озёрном плавай,
Не стой по пояс, как валет!

Елена Зельгер (Германия):

Влюблённым на глаза дана повязка,
Но сквозь неё друг друга им видней.

Юрий Бердан (США):

Санкт-Петербург, Бердичев и Нью-Йорк
Переплелись во мне непримиримо.

Генрих Шмеркин (Германия):

Вдруг на весь крещёный двор
Ворон каркнул: «*Putinvor!*».

...И множество других малых удач! Но есть и крупные формы:

Алишер Киямов (Германия) опубликовал написанный анапестом современный эпос «Исход» в ориентальном стиле. **Раиса Резник (США)** написала своего рода «поэму с героем», как бы в параллель ахматовской «Поэме без героя». Она посвятила её истинному герою нашего времени, отошедшего уже в историю – диссиденту Владимиру Буковскому. Памяти этого крупнокалиберного человека посвящены также стихи **Виталия Амурского (Франция)**.

Довольно много страниц отдано переводам с английского, немецкого и французского – соответственно новым местам проживания эмигрантов. А есть и с польского, – их представил **Андрей Корсаров**, живущий в Литве. Он также решил на довольно увлекательное состязание со знаменитым лермонтовским переводом из **Генриха Гейне (Германия)** «На севере диком». Предоставлю читателем альманаха судить самим, чей же перевод лучше.

В «Дне поэзии» напечатаны не только стихи, но и рецензии на поэтические книги, есть также статьи о поэтах и даже об известных знатоках поэзии. Не могу не отметить с благодарностью доброжелательный отзыв **Александра Урусова (Италия)** на книгу моих избранных стихов об Америке «Чувство огромности». Книга вышла там же, где и альманах – в «Литературном европейце».

Статья **Игоря Михалевича-Каплана (США)** представляет из себя отзыв на сборник «Невидимые нити» заметной поэтессы Второй волны эмиграции **Ираиды Лёгкой (США)**, но это и беглый обзор её творчества в целом. А книга вышла не так давно в Москве (!) в издательстве «Посев» (!) – неслыханное для прежних времён сочетание. Для меня она прежде всего помнилась как Ираида Ванделлос, радиожурналистка «Голоса Америки» с чарующим голосом. Позднее, когда мы познакомились в Нью-Йорке, её стихи полностью слились с её человеческим очарованием и даже с её подлинным именем (она урождённая Лёгкая). Читая о ней, я был рад, что мои впечатления совпадают с оценками автора статьи.

Памяти **Бориса Кушнера**, интеллектуала, профессора, видного математика, недавно скончавшегося в Питтсбурге, посвятил обширную статью **Семён Резник (США)**. Помимо существенного вклада в науку, Борис Кушнер отдавал много души и темперамента культуре и общественным проблемам, вступил в полемику с академиком **Игорем Шафаревичем** по поводу его «Русофобии», когда эта работа ещё ходила в самиздате и позднее была напечатана в Перестройку. Вокруг было много криков и возмущений, – мол, никакой русофобии быть не может. На мой взгляд, такое явление, увы, существует, что наглядно подтверждает упомянутая выше публикация в двух выпусках «Дня зарубежной поэзии». Но сваливать ответственность на наших соотечественников евреев тоже неправильно, и подтверждением служит опять та же самая публикация Нестеренко.

Впрочем, полемические статьи Бориса Кушнера отличались от общего тона полемики своей выдержанностью. Мне кажется, прежде всего им двигала идея справедливости. Отсюда исходит и его заступничество за Антонио Сальери, чья репутация, казалось бы, навеки попорана. В биографическом исследовании Кушнер доказал, что злоесть легенда об отравлении Моцарта, якобы из зависти, основана скорее всего на клевете врагов Сальери, успешного, признанного при австрийском дворе композитора, которому как раз можно было завидовать.

У меня самого осталась тёплая, благодарная память о Борисе Кушнере, хотя мы не были знакомы лично. Но, видимо, он следил за моими публикациями стихов и прозы, внимательно их читал и вдруг сердечно обрадовал, прислав мне статью «Дороги эмиграции», напечатанную в журнале Слово\Word, №96 за 2017 год. Вот отрывок из неё: *«Судьба Дмитрия Бобышева много лет назад причудливо перепелась с судьбой Иосифа Бродского. С тех пор Бродский захвален до непристойности, а имя Бобышева стало неудобно произносить в «приличном обществе». Так постарались бродскофилы всех мастей и разливов. О моде, как ярчайшей манифестации человеческой глупости и*

пошлости, я уже упоминал. Но стоит сделать глубокий вздох, как перед нырянием в глубоководный Марианский жёлоб, отодвинуть самоварное солнце нобелианта, и перед нами предстанет самобытный поэт и замечательный мемуарист. Мемуарную прозу Бобышева отличает великолепная память автора на ситуации и персонажи, удивительная меткость в описании людей и обстоятельств, плюс главное, и самое трудное, – абсолютная внутренняя свобода. В результате я испытывал полный эффект присутствия в такой далёкой от меня и моего круга жизни».

К слову сказать, меня нет в этом выпуске альманаха, но я с ним связан, о нём пишу и к тому же вполне был представлен подборкой стихов в первом (прошлогоднем) номере. Конечно, и за это, и за весь большой замысел периодического издания «Дня зарубежной поэзии» я благодарю составителя **Виктора Фета** и издателя **Владимира Батшева**. Пусть этот праздник поэтов хороших и разных (по Маяковскому) и, конечно же, единственных (по Пастернаку) возвращается каждый год!

Шампейн, Иллинойс, май 2020 (во время карантина по коронавирусу).